

студентами подходящего направления из множества сопутствующих физике специальностей уже в процессе обучения.

Если мобильность, гибкость в период выбора профессионального пути уведат личность от ситуации непоступления в вуз, то трудности с трудоустройством, работа по случайной, неподходящей специальности может быть тягостным бременем. 28% опрошенных старшекурсников получают второе высшее образование, осуществляют свои нереализованные намерения в выборе профессии, что несомненно содействует общекультурному развитию личности, но замедляет время становления профессионала.

Список использованной литературы

1. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
2. Кем быть: ТОП-7 самых востребованных профессий Беларуси. – <http://school-30.oct-vit-roo.by/?page=for-final-year-pupil>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Е.Ф. Ивашкевич

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, elena.ivashkevich@bk.ru

Цель статьи – основные научно-концептуальные подходы к определению свободы совести и вероисповедания и её конституционное оформление.

Ключевые слова: веротерпимость, свобода совести, свобод вероисповедания.

Базовым понятием правового регулирования государственно-конфессиональных отношений является свобода совести и вероисповедания. Этот юридический институт включает в себя наряду с нормами, определяющими его содержание, меры гарантирования и защиты. Проявлением религиозной свободы надо считать фиксацию в отдельных основных законах, принятых в XVIII–XIX ст., свободы вероисповедания. Еще раньше свобода вероисповедания была признана как естественное право. В наши дни она закреплена в большинстве основных законов, причем по их содержанию просматриваются отличия между свободой вероисповедания и свободой совести. Последняя имеет более широкий смысл и предполагает, что индивид может не только исповедовать любую религию, но и не исповедовать никакой.

В Международной декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенной резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г., предусматривается, что каждый человек имеет право на свободу мысли, слова и религии. Это право согласно ст.1 включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору. Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц [1, с. 320]. Аналогичные подходы содержатся в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2, с. 109].

Понятие совести можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В философии совесть определяется как «способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [3, с. 620]. Известная латинская поговорка «Совесть – тысяча свидетелей» отражает приоритет публичных ценностей в морально-нравственной оценке человеком своих мыслей, действий и поступков. Итак, совесть – это нравственная оценка сознанием человека содержания и последствий собственных и чужих поступков. Законодательство определяет только формы и границы внешней реализации свободы автономной совести.

Автор Б.С. Эбзеев отмечает: «Свобода вероисповедания имеет два аспекта, без учета которых невозможно составить целостное представление об этой свободе и оценить конституционность проверяемых им актов. Во-первых, коллективный, рассматриваемый через правовое положение религиозных организаций: по своей природе права религиозных организаций, конкретизирующие свободу вероисповедания, есть коллективные права, поскольку они реализуются гражданином совместно с другими гражданами посредством создания религиозного объединения. Во-вторых, индивидуальный, включающий права, реализуемые гражданином непосредственно, а не через религиозную организацию, пользующуюся правами юридического лица [4, с. 200].

В зарубежной и отечественной правовой науке существует точка зрения, согласно которой свобода религии и свобода вероисповедания – синонимы. Например, «... свобода религии (вероисповедания) необходимый элемент свободы совести, право человека выбирать и исповедовать любую религию» [5, с. 15-16]. Однако подобные представления приводят к искажению правовых терминов. Как отмечает А.С. Бурьянов, «широкое, объёмное понятие свободы совести и связанное с ним правовое регулирование отношений, касающихся «каждого», было сведено почти исключительно к свободе вероисповеданий и даже более того – к проблемам деятельности религиозных объединений» [6, с. 23].

То, что свобода религии и свобода вероисповедания – категории, входящие в понятие свободы совести, с одной стороны, согласуется с общеустоявшимися представлениями о свободе совести. Но между понятиями «свобода религии» и «свобода вероисповедания» имеются характерные различия, связанные с историей их формирования и развития. В древних обществах нигде не встречается представлений о свободе религии (эта проблема не была актуальной, что подтверждают многочисленные исторические свидетельства), тогда как представления о свободе вероисповедания, ненасилия в делах религиозной веры уже были (в рамках традиции естественной веротерпимости). Они сосуществовали с идеями о свободе мировоззренческого выбора и идеями свободы проявления убеждений в обществе. Именно в такой интерпретации эти идеи получили впоследствии политико-правовой статус в буржуазных конституциях.

Таким образом, по определению исследователя И.Ю. Рыковой свобода религии – это возможность личности реализовать свободу мысли и совести путем принятия того или иного религиозного вероучения. Ее обеспечение предусматривает отделение церкви от государства и школы от церкви, отрицание государственных привилегий одной конфессии перед другими, свободу прозелитизма.

В свою очередь, свобода вероисповедания – возможность верующих свободно исповедовать свою религию, единолично или сообща с другими, публичным либо частным образом отправлять культ и религиозные обряды. Различие между категориями «свобода религии» и «свобода вероисповедания» заключается в том, что в первом случае речь идет о выборе того или иного религиозного вероучения, а во втором – о деятельности, связанной с удовлетворением религиозных потребностей [7, с. 11-13].

Российский правовед А. Ловинюков выделяет три основные степени выражения свободы совести, устанавливаемые государственной властью: веротерпимость, свобода вероисповедания и свобода совести, принимая в качестве критерия деления один из основных элементов свободы совести, равенство всех граждан перед законом независимо от их мировоззренческой ориентации.

Веротерпимость – это установление господствующего вероисповедания, поддерживаемого государством, при условии терпимости к другим официально признанным вероисповеданиям. Выход из господствующего вероисповедания и религиозная гетеродоксия внутри его (ересь) подлежат законодательному преследованию или ограничены, в то время как переход из терпимого в господствующее вероисповедание влечет расширение правоспособности граждан. Вневероисповедное состояние юридически не признается.

Свобода вероисповедания – установление равенства всех официально признанных вероисповеданий, хотя некоторые из них в силу определенных причин (например, принадлежность большинства верующего населения, историческая традиция) могут наделяться специальными правами. Вероисповедная принадлежность, как правило, не влияет на правовой статус личности. Вневероисповедный статус личности юридически не признается.

Свобода совести – признание равенства всех вероисповеданий и вневероисповедных мировоззренческих объединений перед законом и юридического равенства всех граждан независимо от их мировоззренческого выбора, если он не связан с нарушением государственного законодательства. Изменение мировоззренческой позиции не влечет за собой никаких юридических последствий.

На практике упомянутые способы осуществления религиозной и мировоззренческой свободы в чистом виде встречаются крайне редко, а свобода вероисповедания выступает в качестве переходного состояния от веротерпимости к свободе слова. С предлагаемой классификацией стоит согласиться. Однако следует отметить, что юридическое положение еще не тождественно фактическому состоянию. Законодательство и правоприменительная практика в совокупности отражают степень гарантированности конституционных прав и свобод. Поскольку свобода совести и свобода вероисповедания могут выражаться как в индивидуальной, так и в коллективной форме, то юридически гарантированное равенство граждан и религиозных объединений перед законом как условие соблюдения свободы совести – более точный критерий.

Свобода совести, по мнению О.Н. Петюковой, может быть осознана как признание государством не только мировоззренческого плюрализма своих граждан, но и права человека на служение высшим целям и ценностям, аккумулированным в религии. Понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» соотносятся друг с другом как общее и частное. В понятие свободы совести входит свобода вероисповедания, которая, по существу, выступает как частный вариант, связанный с религиозным мировоззренческим выбором человека. Свобода вероисповедания – устойчивое международно-правовое понятие, подразумевающее право человека свободно следовать своим религиозным убеждениям и выполнять вытекающие из них ритуалы и обряды, открыто заявлять о своей вере, то есть исповедовать ее («свидетельствовать о вере») [8, с. 22-28].

В современном конституционном праве элементы религиозной свободы фактически сводятся к трем основным вероисповедным правам: исповедовать религиозные ценности; действовать в соответствии с ними; распространять их. Невозможность реализации этих прав в рамках закона свидетельствует об отсутствии не только свободы совести, но и свободы вероисповедания.

Институциональное отделение религиозных объединений от государства выступает в качестве гарантии свободы совести. Идея о несводимости вероисповедного со-

общества и государства друг к другу вследствие их иноприродности, а соответственно, разграничения решаемых ими задач разработана как в религиозно-философской, так и в правовой науке. Философские суждения об отделении религиозных организаций от государственных институтов имеют важное значение для методологии конструирования гармоничной модели государственно-конфессиональных отношений, созвучны взглядам на природу государства и Церкви, изложенным, например, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [9].

Государство не должно вмешиваться в жизнь церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и т.д., равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь сохраняет лояльность власти, но выше этого ставит дело спасения людей. Если власть принуждает верующих к отступлению от веры или другим тяжким грехам, то Церковь может отказать ей в поддержке вплоть до призыва к мирному гражданскому неповиновению. Термин «светский», введенный в оборот Мартином Лютером в трактате «О светской власти» 1523 г., означает «мирской, гражданский, нерелигиозный». естественного и позитивного права, является комплексным правовым институтом, включающим личные (гражданские права) верующих индивидов, а также политические, социально-экономические и культурно-духовные права религиозных объединений.

Для ряда государств Центральной и Восточной Европы в связи с социалистическим прошлым своеобразие современных реалий в сфере свободы совести заключается в следующих характеристиках:

- растущая индифферентность населения как следствие крушения атеистической идеологии, с одной стороны, и воцерковление, принятие религиозных убеждений в качестве мировоззренческой позиции определенной части российских граждан – с другой;
- рост конфессионального многообразия;
- религиозная активность граждан и конфессиональных объединений;
- низкая экономическая обеспеченность и недостаточная богословская база религиозных организаций;
- накопленный опыт позитивного государственно-религиозного сотрудничества.

За последние годы в странах данного региона наблюдаются укрепление материальной базы религиозных организаций, активизация их социального служения, усиление их роли в общественной жизни как фактора духовно-нравственного воспитания. Однако сохраняются проблемы в области государственно-конфессиональных отношений. Утверждение западного стандарта религиозной свободы, включающего принципы свободы совести и отделения религиозных объединений от государства, которое отражено в международно-правовых документах и национальном законодательстве, привело к секуляризации социальной и духовной жизни.

Основными проблемами современного конституционного законодательства и правоприменения в религиозной сфере являются следующие.

Во-первых, это терминологические неточности и пробелы в законодательстве. Понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» нередко рассматриваются как равнозначные. Естественно, что в юридической науке категории «свобода вероисповедания» и «свобода совести» рассматриваются в неразрывном единстве, но, как известно, подмена широкого понятия более узким может негативно сказаться на законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Во-вторых, децентрализация нормативного регулирования государственно-конфессиональных отношений выражается часто в тенденции к устойчивому сокращению удельного веса федерального вероисповедного законодательства по сравнению с региональными нормативными массивами в федеративных государствах необходимостью перехода функций управления на региональный и местный уровни, повышением активности и инициативы местных законодательных и исполнительных органов власти.

В-третьих, на фоне высокой активности и инициативности верующих и религиозных объединений во многих странах наблюдается отставание в развитии законодательства в сфере свободы совести. Недостаточным является формирование политики в области религиозного просвещения, осуществляемое совместно с региональными и муниципальными органами образования с учетом местной специфики.

В-четвертых, проблема несоответствия нормотворческой инициативы государства и религиозных организаций осложняется недостатком толерантных и квалифицированных кадров. Изучение религиозных измерений международного и национального права позволит преодолеть идеологическую тенденциозность в принятии государственных решений.

В-пятых, наблюдается отсутствие четкой концепции перспектив развития государственно-конфессиональных отношений. Например, среди ведущих российских юристов нет единого понимания сущности светского характера государства, степени его отделения от религиозных объединений, пределов секуляризации общественной жизни. К примеру, предложения о необходимости придания Русской Православной Церкви особого конституционно-правового статуса, о возврате религиозного имущества и предоставлении дополнительных преференций трактуются как попытки теоретически обосновать клерикализацию российского общества вопреки конституционным принципам светского государства [10, с. 173].

Список использованной литературы

1. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. Т.2. / Сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 320.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS№5) // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. Т.2. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 109.
3. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф.Ильичёва. – М.,1983. – С.620.
4. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев: В 2-х т. – М.: Юристъ, 2001. – Т.2 – С.200.
5. Фурман, Д.Е. Религия, атеизм и перестройка / Д.Е. Фурман // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С.15-16.
6. Бурьянов, А.С. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести / А.С. Бурьянов // Государство и право . – 2001. – №2. – С.23.
7. Рыкова, И.Ю. Соотношение свободы вероисповеданий с другими правовыми категориями / И.Ю. Рыкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – №3. – С.11-13.
8. Петюкова, О.Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции / О.Н. Петюкова // Государство и право. – 2009. – №4. – С.22-28.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 2000.
10. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М., 2008. – С.173.